

гу дал им приют.)

Король посоветовался со своим управляющим Пьером, Жилем ле Брюном, коннетаблем Франции, Жерве де Эскрайне, с главным поставщиком королевского двора, архидьяконом Николии, хранителем королевской печати, – позднее он стал кардиналом – и, наконец, со мной. Мы сказали, что в мирских делах надо руководствоваться мнением тех, кто обладает наибольшими знаниями. «То есть, – сказали мы, – с нашей стороны мы советуем вам сделать то, что говорят эти моряки».

Король повернулся к капитанам и сказал: «Я прошу вас честно ответить – если бы это судно было вашим и на борту были бы ваши товары, оставили бы вы его?» Они дружно ответили, что нет, потому что скорее подверглись бы риску утонуть, чем покупать новое судно стоимостью в четыреста тысяч ливров или еще дороже. «Тогда почему, – спросил король, – вы советуете мне покинуть этот корабль?» – «Потому, – ответили они, – что ставки не равны. Ни вас, ни вашу жену, ни ваших детей, которые вместе с вами на корабле, нельзя оценить золотом или серебром. Вот почему мы советуем вам не рисковать ни своей жизнью, ни их». – «Мои добрые господа, – сказал король, – я выслушал ваше мнение и мнение моих приближенных. А теперь я выскажу вам свое, которое гласит следующее: если я оставлю это судно, то на борту его останутся не менее пятисот человек, которые высадутся на берег Кипра из страха перед угрожающими им опасностями – потому что среди них нет ни одного, который любил бы свою жизнь меньше, чем я, – и, может быть, они никогда не вернутся на родину. Вот почему я скорее вручу свою судьбу, судьбу моей жены и детей в руки Господа Бога, чем нанесу такой урон такому большому количеству людей».

Беду, которую король опасался причинить этим людям, можно было увидеть в том, что случилось с Оливье де Термом, который был на корабле его величества. Он был одним из самых храбрых людей, которых мне доводилось встречать, и самым достойным из всех его соратников в Святой земле. Тем не менее, боясь утонуть, он не остался с нами и высадился на острове Кипр. Здесь он встретил на своем пути столько препятствий, что смог присоединиться к королю только спустя полтора года, хотя он занимал такое положение и обладал таким состоянием, что мог легко заплатить за проезд. Только подумайте, какая судьба постигла бы людей более скромного положения и не имеющих столько денег, чтобы оплатить возвращение домой, если даже такому человеку пришлось так нелегко!

Едва только мы избавились от этой опасности, которой Бог наградил нас, как тут же столкнулись с другой Ветер, который пригнал нас к берегам Кипра, где мы легко могли утонуть, начал дуть с такой силой, что заставил нас снова вернуться к острову. Моряки бросили якоря, чтобы противостоять ветру, но не могли справиться с ним. Возникла необходимость снести стенки королевской каюты на верхней палубе, но никто не осмеливался работать здесь из опасения, что его снесет в море. В этот момент, когда мы с Жилем ле Брюном собирали вещи в личных покоях короля, дверь открыла королева, думая найти здесь своего мужа. Я спросил, что она ищет. Она сказала, что пришла поговорить с королем, чтобы он дал обет Господу или его святым отправиться в паломничество, чтобы Господь спас нас от беды, в которой мы оказались; моряки сказали, что всем нам угрожает опасность утонуть. «Мадам, – сказал я ей, – пообещайте пуститься в путешествие к гробнице святого Николая в Варанжвиле (могила святого Николая покоится в итальянском городе Бари. – Ред.), и я не сомневаюсь, что Бог вернет вас во Францию вместе с королем и вашими детьми». – «Я охотно это сделаю, сенешаль, – ответила она, – но у короля такой непростой характер, что, если он узнает, как я дала это обещание, не сообщив ему, он ни за что меня не отпустит».

«Во всяком случае, – сказал я, – вот что вы можете сделать: пообещать, что, если Бог вернет вас во Францию, вы от себя, от короля и трех ваших детей преподнесете кораблик из серебра стоимостью в пять марок. Тогда я гарантирую, что Господь приведет вас во Францию; я сам дал обет святому Николаю, что, если он спасет нас от опасности, которая угрожала нам прошлой ночью, я покину Жуанвиль и босым пойду к его святилищу в Варанжвиле». Королева ответила, что обещает преподнести святому Николаю серебряный кораблик, и попросила меня сделать это от ее имени, на что я ответил, что с удовольствием исполню ее просьбу. Затем она ушла, но отсутствовала недолго. Вскоре она вернулась и сказала: «Святой Николай уже спас нас от беды, потому что ветер стихает».

Когда королева – да благословит ее Господь! – вернулась во Францию, в Париже сделали для нее серебряный кораблик. На нем стояли фигурки ее самой, короля и трех их детей, все из серебра.